

Бегунок

Рудковский Олег

Олег Анатольевич Рудковский

Бегунок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69596458

SelfPub; 2023

Аннотация

Один день субботы из жизни юного школьника, когда он внезапно понимает, что начинает взрослеть, и те вещи, мимо которых он раньше проходил не задумываясь, вдруг обретают глубину – удивительную и немного пугающую.

Олег Рудковский

Бегунок

Бегунок зашвырнул школьную сумку в угол прихожей и, возникнув на пороге кухни, где были родители, с ходу объявил:

– Шибздик смылся!

Мама хлопотала возле плиты. Она обернулась через плечо и уставилась на сына, позабыв на время о готовке. И отец уставился – поверх журнала, который он штудировал, уместившись за кухонным столом. Бегунок любезно ответил на каждый взгляд, после чего невозмутимо прошествовал к раковине, на ходу засучивая рукава.

– Серьезно говорю! Иду сейчас со школы, гляжу: на ветке сидит. Звал его, но он чего-то тормозит... Не удосужился, короче. Сами можете посмотреть, на нашем дереве.

Не говоря ни слова, мама отошла от плиты и приблизилась к окну. Папа тоже присоединился, отложив на время журнал. Вдвоем они молча взирали на дерево, росшее во дворе. Уточнить, куда именно нужно смотреть, не было необходимости, так как дерево под окнами торчало единственное в своем роде. Бегунок, закончив мыть руки, втиснулся между родителями и тоже занялся созерцанием.

– Не видно, – констатировал, наконец, папа.

– Может, улетел уже, – предположила мама.

– Улетел, конечно,– согласился папа.– Надо соседям сказать, пока не поздно. Вдруг он еще где-то рядом?

– Уже долбился,– сообщил Бегунок.– Дома нету. И форточка открыта. Он, видать, через нее порхнул.

– Он у них всегда в клетке сидел,– резонно заметила мама.

– Может, прогрыз.– Бегунок пожал плечами.

Последняя фраза вернула обоих родителей к реальности, и теперь они воззрились на него.

– Так!– Мама живо сменила тон, забыв о Шибздике.– Ты руки вымыл? Давай за стол, сейчас обед будет.

Бегунок бросил последний взгляд на дерево. Нет, не видно. Сгинул Шибздик. Жалко. Бегунок уселся напротив папы, который вновь нырнул в свое гнездо за журналом. Мама вернулась к плите: там у нее что-то шкворчало и трескало. Бегунок внимательно изучил обстановку на кухне, по очереди оглядел обоих родителей, почесал тыковку и огласил личное наблюдение:

– Несправедливость кругом!

– Ты о чем?– Папа высунул из гнезда один глаз.

– Вы в субботу балдеете, а я до обеда в школе торчу. Мама вон готовит в свое удовольствие, ты журнальчик читаешь себе. Весело! А мне еще и сочинение задали на понедельник. Я с утра думал: чего мне не хватает для полного счастья? Сочинения!

– Дурашка!– легко отозвалась мама, не оборачиваясь от плиты.– Радуйся, самое золотое время. Потом будешь вспо-

минать, захочешь вернуть, а поздно будет.

– Я вот не хочу ничего возвращать,– уведомил папа из гнезда.– Лучше уж работать, чем учиться. Отработал, и гуляй себе. Ни тебе экзаменов, которых полгода ждешь и трясешься. Ни тебе зубрежки до полуночи. Да и веселее работать, в конце месяца какая-то, но отдача.

– В школе тоже отдача!– запальчиво возразила мама.– Оценки. Хорошо учишь – тебе пятерки. Не учишься – кол тебе.

– Оценки на хлеб не намажешь,– буркнул папа.– Абстракция. Учишь хорошо – и все в жизни будет прекрасно. А потом из-за одной тройки в конце года все псу под хвост! И что, жизнь пошла прахом из-за этого?

– Так не получай тройки!– фыркнула мама.

– Не получишь, ага,– неопределенно проворчал папа.

Бегунок обождал несколько секунд и, удостоверившись, что перепалка завершена со счетом «ничья», вновь вырулил на свою тему.

– О чем писать-то? Сочинение.

– А на какую тему?– сообразил уточнить папа.

– Сказали, на свободную...

– Раз на свободную, значит, смело выдумывай себе тему и пиши, о чем хочешь,– обрадовался папа.– Рамок-то никаких нет. Хоть о себе напиши. А не придумаешь, залезь на Яндекс да скачай, что хочешь.

– Чему ты ребенка учишь!– возмутилась мама.

– Не, не прокатит,– поспешил заверить Бегунок, пока не развернулась очередная словесная баталия.– Только не у нашей училки. К тому же, она за мной следит. У нее вечно, чуть что – Бегунок виноват.

– Вадим, у тебя имя есть!– строго заметила мама.

Бегунок пожал плечами, как бы говоря тем самым, что для него разница не принципиальна. На столе образовалась тарелка, на которой лежали какие-то солнечные кругляши и дымились.

– Это чего?– спросил Бегунок, настороженно принохиваясь.

– Сырники решила сообразить.– Мама издала смешок, что было ей вовсе не свойственно: как смущенная девица, отважившаяся на первую самостоятельную кулинарную вылазку.– Надо же как-то разнообразиться. Чем еще рутину придавить?

Бегунок, однако, мамино настроение не разделял.

– Я мяса хочу,– буркнул он.

Улыбка мамы испарилась.

– Ешь, давай! Полезно.

Бегунок отщепил краешек и осторожно положил в рот. Выражение удрученного философа на лице сменилось восторгом.

– Блин, вкусно!

– Вот так, я же говорила!

Он схватил горячий кругляш и, обжигаясь, стал запихи-

вать его по кусочкам в рот. Воцарилась сравнительная тишина, когда все трое поглощали сырники; папа воровал еду из гнезда, не высовываясь. За тишиной, как показалось Бегунку, все дружно забыли о насущных проблемах и мучительных вопросах. Он решил выправить ситуацию, наставив родителей на истинный путь.

– Может, написать сочинение про то, как родители кайфуют по субботам, пока их дети вкалывают?– предположил он.

Папа полностью вылез из гнезда.

– Бегунок, вы борзеее!

– Кажется, меня никто тут не слышит!– отчаянно воскликнула мама.

– Ну чего ты психуешь,– успокоил папа.– Он сам себя так зовет, друзья так его зовут. Главное, что ему нравится. Сама же знаешь, самое больное место детей – фамилия. А ему повезло. У меня, к примеру, был в детстве один приятель – Благонасушный. Фамилия такая. И был он для нас пожизненным «Благой». А потом я узнал, что и отец его, когда маленький был, тоже слыл «Благой». Соответственно, дед угодил в ту же категорию. Такое родовое дерево «Благ». Так что ты радоваться должна, госпожа Бегункова. Фамилия-то породистая.

– Очень мило!– отозвалась мама странным тоном, состроив гримаску.

Бегунок придиричиво взгляделся в маму, потом в папу, ничего не понял и приналег на сырники. Когда тарелка заметно

опустела, он решил взяться за предков всерьез.

– Так о чем писать, скажет мне кто-нибудь в этом доме или нет?!

– Напиши про Шибздика,– подсказала мама.

– Чего о нем писать?– изумился Бегунок.– Сидел в клетке, теперь смылся. Точка, конец сочинению.

– Напиши, какой он был хороший.

– Был хороший, потом смылся.– Бегунок поморщился.–

Чушь какая-то.

Мама пожала плечами, показывая этим, что сделала все возможное. Похоже, с этой стороны печать сорвана, дальше – глухо. Бегунок молча уставился на отца, требовательно выжидая. Папа вроде бы сообразил, что сачкануть не удастся, и даже на время отложил свой журнал, с головой выбравшись из привычного гнезда.

– Сочинение, говоришь на свободную тему?– уточнил папа для ориентировки. Бегунок с готовностью кивнул.– Ну вспомни, что с тобой интересного приключалось за последнее время. Что самое интересное? Помнишь?

Бегунок призадумался, начал уже отрицательно мотать головой и вдруг просиял.

– Метеорит ходили смотреть!

– Какой метеорит?– испугался папа. Мама так вообще потеряла дар речи, на мгновение окаменев.

– Ну камень такой,– пояснил Бегунок.– За городом валяется, в лесу. Левка на него с отцом своим наткнулся, ну и

вообразил, что это метеорит. Или батя ему начесал... Потом вместе ходили смотреть.

– Ну и как?– спросил папа.

– Прикольно!

– Вот и напиши про это.

– Что значит, напиши про это,– обиделся Бегунок. Чего они сегодня как маленькие оба. То мама ахинею какую-то предлагает, теперь вот папа туда же.– Пошли, поэдрились, камень как камень, непомерный только. Точка, конец сочинения.

– Так ты подумай!– не вытерпела мама, вмешавшись.

– Да, ты подумай,– вторил отец.– Тут главное, как описать.

Если уж ты мудрен родителей винить в деспотизме, то и с сочинением справишься.

– Деспо – что?– не вник Бегунок.

– Не важно. Возьми такой прицел: опиши этот камень так, чтобы я, читая, мог себе его представить.

– А мама?– невесело спросил Бегунок.

– Что «мама»?– удивился папа.

– Мама тоже будет представлять?

Поскольку папино лицо вмиг окаменело, Бегунок прикусил язык, рассудив, что выпендрож надо прекращать. Может, и зря он им мстит, а надо пожалеть, и пусть живут. Они небось сочинение последнее сорок лет назад писали, откуда им помнить. Да и писали про село какое-нибудь, про флаг красный или про Ленина... или Горького. Бегунок не пом-

нил, как его точно зовут, этого типа.

А впрочем, почему бы не ограничиться тем, что есть, решил для себя Бегунок. На самом деле, опишу им камень, пусть успокоятся.

Он уничтожил последний сырник.

– Какие планы?– спросила мама, когда он уже выходил из-за стола, вспоминая, куда задевал сумку с книжками.– На улицу?

– Рад бы!– Бегунок страдальчески скривился.– Пойду сочинение катать. В понедельник сдавать надо.

– Напиши про Шибздика!– крикнула вдогонку мама, но Бегунок только отмахнулся.

Очутившись в своей комнате, он скинул с себя всю одежду, побросав ее в кучу, и остался в одних трусах. Благо май на дворе, можно не париться. Пока загружался компьютер, Бегунок освободил нашедшуюся сумку от учебников, сгрудив их с краю стола. После чего, не откладывая дело в долгий ящик, уселся за монитор.

С названием с горем пополам определились. Метеорит. То есть камень. Метеорит или камень, как назвать-то? Ладно, это можно после придумать. Если папа не слукавил, чтобы отмазаться, и Бегунок его правильно понял, нужно описать этот камень так, чтобы все разом обалдели, подумав: каков каменюка! Первым делом Бегунок залез на Яндекс и открыл вкладку «Словари». Что ему сейчас требуется, так это «Толковый словарь» – раз, и «Словарь синонимов» – два. Уже

опробовано, не раз эти электронные талмуды его вытягивали из ямы.

Итак, камень. Но не простой, недаром Левка два дня галдел, что это метеорит, так что Бегунок под конец не выдержал и отправился за приятелем смотреть этот камень тоже. И впрямь чуть не поверил, когда глыба предстала перед ними во всей красе посреди леса. Шло от этого камня что-то таинственное, как в фильмах, еще бы музыку подходящую добавить, и можно драпать в страхе, что сейчас камень распадется на куски и оттуда вылезет проголодавшийся змей. Вот и надо написать, что камень был не какой-то там камень, и что от него шло излучение. Бегунок порылся в словарях, складировав слова в словосочетания, дублируя фразы и отыскивая речевые обороты. Кое-что ему весьма приглянулось, и он выписал это на бумажку. Потом создал новый файл и настроил:

Камень валялся в огромном лесу, возле неслыханного дерева. Это был не простой камень, а многообразный. От камня исходила невыносимая источаемость.

На этом дело застопорилось, и Бегунок призадумался. Дерево вышло «неслыханным», а источаемость «невыносимая». Непорядок, нужно еще подумать. Он вновь обратился к словарям и, наконец, выудил именно то, что требовалось.

От камня исходила беспрецедентная источаемость!

Он перечитал предложение и обрадовался. Училка точно обалдеет и вlepит ему «пятак» – за то, что он так кру-

то (многообразно) описал камень. Работа ладилась, и Бегунок сотворил еще несколько предложений в таком же ключе. Всего же сочинения вышло чуть меньше страницы файла 14-м кеглем. Вроде бы достаточно, можно передохнуть, а потом исправить ошибки. А вообще, нормально должно получиться: загадочный камень, похожий на метеорит, торчит себе в лесу, и никто о нем не знает. Только Левка да Бегунок его видели. Самое интересное, если потом окажется, что он и впрямь был метеоритом. Тогда не только сочинение прогремит на всю школу, они с Левкой станут героями!

Бегунок выбрался из-за стола и выглянул в окно. Нет, не видно Шибздика. Может, до сих пор сидит там, на ветках, кумекая, куда дальше податься,— просто отсюда не разглядеть. Впрочем, внимание Бегунка быстро переключилось, поскольку под деревом возникла парочка: парень и девушка. На девушке была коротенькая юбочка, и о каком Шибздику может идти в данном случае речь?! Бегунок с готовностью вытаращился на коленки девушки, и минут пять их созерцал, глотая слюнки, лишь потом перевел взгляд на ее лицо. Он нахмурился. Девушка, кажется, плакала, и это уже не есть гуд. Плачущая девушка не вызывала интереса к своим коленкам. Бегунок перевел взгляд на ее спутника и сделал вывод, что он и был причиной возникшего наводнения. Девушка молча глотала слезы, а чувак-придурок что-то уверенно ей выговаривал.

Бегунок поморщился. Есть же тупицы на свете. Когда он

вырастет и заведет себе подружку, уж он никогда не станет ей выговаривать. Он ведь не дурак, тратить время на ерунду. Нет, он будет ее любить, а когда никто не видит, будет украдкой гладить ей коленки.

Парочка какое-то время выясняла отношения возле дерева под окном. Вернее, выяснял чувак, девушка продолжала молча реветь. Потом они удалились. Теперь уж точно Шибздик спорхнул. Эти двое его наверняка спугнули.

Бегунок возвратился к монитору и в упоении перечитал свой шедевр. Однако где-то на середине упоение стало медленно сменяться оторопью, а под самый конец в глазах Бегунка нарисовался голый вопросительный знак. Он вдруг осознал любопытную вещь: пока он глазел на девичьи коленки, он немного, как бы это сказать, подзабыл, о чем писал. Сейчас же, перечитывая композицию, он почему-то ни фига не понимает. Странно. Вроде он сам писал, только что...

Жизнь стала совсем уж паршивой. Обозлившись на весь свет, Бегунок в запале уничтожил весь файл с сочинением. Потом несколько секунд тупо созерцал девушку в купальнике на рабочем столе и постановил, что пришло время подключать к проблеме зверье.

Ему вновь пришлось вернуться к окну, только на сей раз вниз он не глядел. Сбоку от окна на крючке, присобаченном к стене на скорую руку, висела пустая консервная банка из-под тушенки. В дно банки был продет шнур, который исчезал в форточке. Бегунок уверенно дернул за банку. Зверье

обитало в доме напротив и было царем зверей – Львом. Они и жили по соседству, и в классе делили одну парту, и всяческие походы к метеоритам и прочим загадкам мира организовывали вместе.

Как-то раз Бегунок наткнулся в Интернете на любопытнейшую схему – конструкцию самодельного аппарата связи. Со страниц сайта сообщалось, что таким нехитрым устройством люди спасались во времена дефицита телефонных номеров. Идея охватила Бегунка до дрожи, и, разумеется, он постарался зажечь ею Левку. Они раздобыли две банки тушенки и слопали содержимое, даже не потрудившись разогреть. После этого стали корпеть над созданием системы. Дело оказалось трудоемким, впрочем, кому теперь легко? Раздобыть подходящий по длине и прочности шнур и продеть один из концов в днище банки – это только начало. Потом им пришлось дожидаться воскресенья и вскочить засветло, когда улицы пустыньны и никто не мешает. Первым делом Бегунок скинул моток шнура поджидающему под окнами Левке. Потом спустился, и они принялись разматывать бечевку до соседнего дома. Затем Бегунок ждал, трясясь от нетерпения, пока неспешный Левка поднимется к себе домой и скинет ему из окна другую веревку, к которой Бегунок привязал конец первой, что брала начало из его собственной форточки. Левка затянул шнур себе в окно и стал прилаживать вторую жестянку, Бегунок же тем временем стремглав кинулся к себе.

И хотите верьте, хотите нет, система работала! Стоило им натянуть шнур и начать говорить в пустую банку, голос каким-то чудесным способом передавался по шнуру в соседнее окно, и все было отлично слышно. В то воскресенье взрослым в обеих квартирах не судьба была поспать. Правда, родители не оценили труды. Они никак не могли сообразить, чем провинился старый добрый стационарный телефон, и почему мобильники стали негожи, чтобы городить весь огород. Ну как им объяснишь?

Бегунок подергал за свой конец «телефона», зная, что сейчас в соседней квартире вторая банка громыхает, имитируя телефонный звонок. Через какое-то время в окне напротив обозначился Левка.

– Здорово! Это я, Бегунок!– Как будто тут было место третьему.

– Здорово!– Голос Левки показался Бегунку насупленным. Впрочем, у Левки зачастую так.

– Чего хандришь? Мяса не хватает?

– А ты гляди, не беги быстро, а то последние трусы потеряешь.

Оба абонента привычно ухмыльнулись. Бегунок, которому напомнили, что он не особо одет, придвинулся ближе к занавеске. Теперь, когда с формальностями было покончено, Бегунок перешел к главному.

– Ты над сочинением думал?

– Накатал уже,– пробурчал Левка в банке.

– Уже?! Круто!

– Не ори, у меня трубка звенит.

– А о чем писал?– Бегунок убавил звук.

– Как я провел лето.

Бегунок психанул. На что ему башка дана, интересно? Почему он первым не додумался до такой простой мысли? Сейчас бы уже неся на улицу, может, удалось бы Шибздика поймать, все равно тот где-то здесь порхает – куда ему лететь, в теплые края? И папа хорош, не мог подсказать толком. Внезапно Бегунка озарило, и он слегка нахмурился.

– Так лето еще не наступило,– уведомил он с сомнением в голосе.

– Блин!– Левка еще больше насупился.– Я что-то не подумал.

– Так о чем писал-то?

– О рыбалке...

– Какой рыбалке? Ты на рыбалку ходил?

– Не-а. Батя обещал летом взять на рыбалку, на целую неделю. Ну вот я и написал, как мы будем рыбу ловить.

– Так назови сочинение «Как я проведу лето» и не парься,– тут же сообразил Бегунок.

– Блин! Точно! Я уж думал, переписывать придется. От души, Бегунок! Спасибо!

«Ты бы лучше мне сочинение написал тоже»,– подумал Бегунок, вешая «трубку» назад на крючок.

Какое-то время он еще посидел в прострации, ожидая чу-

да. Чуда не произошло. Похоже, выбора нет. Придется звать на помощь тяжелую артиллерию. Бегунок засел за телефон – на сей раз обычный, домашний, – и набрал знакомый номер.

– Дед, привет. Это Бегунок.

– Здорово, прохвост.

– Ты – прохвост! Слушай, деда, мне тут сочинение в школе задали.

– Ясно.

– А я не врублюсь, о чем писать.

– Понятно.

– Ну?

– Что «ну»?

– О чем писать-то? – раскочегарился Бегунок.

– А ты у ветра спрашивал?

«Начинается!» – мысленно взмолился Бегунок.

– Деда, я серьезно не знаю, чего им надо. А сдавать в понедельник. Если сегодня не напишу, завтра весь день сидеть. А послезавтра опять в школу. Левка уже написал, сейчас на улице небось шляется. Врубаешься?

– Уже врубился. – Дед задумался. Хороший знак. Бегунок затаил дыхание. – Ты скажи: когда из школы сегодня шел, ничего не заметил интересного?

– Ничего я не заметил, – сварливо отозвался Бегунок.

– Все как обычно?

– Все. Хотя нет, Шибздик сбежал! – Бегунок фыркнул и пояснил: – Это попугай соседский. Я его на ветке возле дома

заметил. Соседи ушли и форточку оставили, он и слинял. А должен был в клетке сидеть.

– Может, прогрыз?– предположил дед.

– Может. А ты откуда про Шибздика знаешь?– спросил Бегунок, впрочем, без особой интриги. Он уже давно привык, что дед умеет видеть сквозь стены.

– Не знаю я никакого Шибздика,– буркнул тот.

– Ты же сам спросил, что было по пути со школы,– подловил деда Бегунок.

– А он с тобой не разговаривал, этот птах?

– Не разговаривал он со мной,– голос Бегунка вновь сделался ворчливым.– Только косился на меня, как тупица, когда я его назад звал.

– А почему ты его заметил?– допытывался дед. Все понятно. Они сговорились все вместе, чтобы заставить его писать сочинение именно про Шибздика!

– Посмотрел на дерево, да и заметил...

– А ты на все деревья смотришь?

– Я? Не-а... На это смотрю.

– А почему?

– Так это же наше дерево!– изумился Бегунок.

– А я вот помню, у нас тоже во дворе дерево росло.– Голос деда в трубке звучал как-то вкрадчиво, загадочно даже. Словно тот задумал проверить какую-нибудь каверзу. Бегунок насторожился, с деда станется, однако он продолжал впитывать каждое слово.– В детстве мы постоянно на него

забирались и сидели там по три часа. А как-то раз я залез туда один. Ну, залез и притаился на ветке. Отвлекать меня было некому, понимаешь, я ведь один залез. Поэтому я спокойно глядел сверху на всех, кто проходил мимо. А проходила куча народу, внизу как раз тротуар был. И вот я всех вижу, значит, а меня – никто. А потом я подумал: а что же дерево? Скольких людей оно видит сверху за всю свою жизнь, сколько поколений? Ведь на дерево никто не обращает внимания, словно и нет его. И люди двигаются, как будто наедине с собой, кто-то даже бормочет вслух, вообразив, что его никто не видит. Дерево-то всех видит! Представь, если его спросить, дерево, сколько оно всего порасскажет. Не то чтобы сочинение, целая книга выйдет! Вникаешь?

– Не особо.– Бегунок вовсе растерялся. Не многовато ли зауми для одного дня? – А с сочинением-то что? О чем писать? Дерево что ли спрашивать? Так оно молчит себе сто лет! Или тоже на ветку лезть?

– Я тебе все сказал,– отрезал дед.– Ты уже сам знаешь, что писать. Просто тебе понуть хочется, и лень вдобавок. Ты чуток поднапрягись, и тут же поймешь. Гуляй, прохвост, предкам привет.

И он отключился.

«Вполне в его духе,– кисло подумал Бегунок, привыкший к чудачествам деда. – А папа еще говорит, что я вылитый дед. Куда мне до него!»

Поскольку все версии были опробованы, и в значке не

осталось ни шиша, Бегунок вернулся к окну, подумав мельком, что сегодня он похож на зашкаленного, мечущегося по маршруту: комп – телефон – окно. Он выглянул в окно и уже в который раз уставился на дерево. Сейчас там никого не было, тут не часто ходили люди, тротуар пролегал в стороне. Бегунок впервые задумался: а как вышло, что у них во дворе всего одно дерево? Почему в других дворах картина такая: либо деревьев нет совсем, либо, если есть, то кучей? А тут одно-единственное, неприкаянное, и в аккурат под его окнами. Где остальные? Были да сплыли? Тогда где пеньки? Или это дикое дерево, и никто его тут не сажал – само выросло?

И тут, то ли от непривычного напряжения после неудачных попыток написать сочинение, то ли от витиеватой истории деда по телефону, Бегунок вдруг вспомнил случай, который произошел с ним прошлым летом. Вернее, произошел со всеми, а причиной был все тот же дикорос под окном. Они тогда весь день где-то бродили, он уже не помнил, где, и завалились во двор под вечер всей толпой. Он, Левка и еще куча ребят со двора. Солнце еще не село, и в мире воцарился самый прекрасный вечер, который может быть только летом – наполненный солнечными полутонами, вдохновленный фантомными ароматами, обласканный слегка шершавым ветерком. Толпой они проходили мимо дерева, а у самых корней, прислонясь спиной к стволу, лежал старик.

Это был бомж, как они определили, приблизившись и об-

разовав любопытное полукольцо. Старик был одет в черную хламиду, и он был страшен. Лицо покраснело, словно его драили наждаком четверть часа, фигура была вся какая-то скрюченная, а руки тряслись так, что вибрация, казалось, распространяется по всему дереву. Что с ним такое приключилось, этим стариком, никто не мог взять в толк. А поскольку они пропустили момент появления бродяги во дворе, то его присутствие казалось им ужасным, будто он вылез из ада и теперь спешит напугать народ.

Тем не менее, они продолжали стоять поблизости. Ну а Бегунок, верный своему прозвищу, стоял, разумеется, ближе всех. И внезапно старик уставился на него. Медленно протянул вперед дрожащую клешню и проскрежетал:

– Мальчик. Дай мне свою руку.

Поразительно, но Бегунок даже совершил машинальный шаг вперед. Он, конечно же, и в страшном сне не имел мыслей дать этому хлюсту то, что тот просит, однако, быть может, замороженным видом старика, подошел бы ближе. Но после первого же шага рука Левки вцепилась ему в плечо.

– Куда собрался? Он заразный!

Бегунок протрезвел и почему-то инстинктивно покосился на свое окно. Как оказалось, не зря. В окне существовала мама, которая знаками обрисовывала ему в общих чертах свою позицию по поводу того, что он, первое: пропал весь день незнамо где; второе: стоит и пялится на немощного бродягу, вместо того чтобы мчаться домой и есть суп.

– Пойду, отмечусь,– бросил Бегунок приятелям, оглянувшись в последний раз на старика. Тот уже забыл о своем желании подержаться за мальчишескую руку, вновь скрючился и продолжал трястись.– Через полчаса выйду.

Он взлетел на свой этаж и, как это происходило в девяноста девяти случаях из ста, с ходу выпалил:

– Он просил мою руку!

Выяснилось, что разжевывать не имеет смысла: родители уже давно наблюдали за стариком под деревом, и их шайку они тоже видели, как они стояли и глазели. Бегунок подскочил к окну как раз в тот момент, когда возле дерева пришвартовалась «скорая помощь». Врачи без особой радости погрузили клиента на носилки и упекли в фургон.

– И что теперь с ним будет?– спросил Бегунок.

– Вылечат,– ответила мама, но Бегунок ей не поверил.

А поздно вечером, когда он привычно сидел за компьютером, режась в «драчки» перед сном, он услышал, как родители вернулись в разговорах к прошедшему вечеру. А потом мама сказала фразу, после которой Бегунок напрочь забыл об игре.

– Он хотел подержаться за кого-то перед смертью.

Больше часа Бегунок просидел в чудовищном шоке. Вся эта нелепая ситуация, случившаяся по воле рока именно у них во дворе, под «нашим деревом», вдруг трансформировалась в его сознании в картину боли, несчастья и опустошения. Ему до слез стало жаль этого грязного бродягу, кото-

рый не замышлял, как оказалось, ничего плохого. Он умирал и, видя подступающую смерть, которая, быть может, спускалась к нему по веткам с дерева, просто хотел напоследок ощутить чье-то тепло, чье-то участие.

И сейчас, глядя на дерево, вспоминая историю, приключившуюся год назад, Бегунок вновь испытал боль. Боль и жалость. Ему было жалко всех и в первую очередь – себя. Он похоронил в себе эту историю, как и все похожие истории, которые слишком жестоко вспоминать.

Бегунок поднял затуманенный взгляд и вдруг увидел Шибздика. Птах сидел как ни в чем не бывало на шнуре, что протягивался от окна Бегунка к окну Левки, служа домашним телефоном. Увидев попугая, Бегунок улыбнулся. Это была далекая, туманная улыбка, и сейчас в чертах мальчишеского лица просквозил будущий мужчина. Который только вступал на опасный, неровный путь, именуемый жизнью, напичканный препонами и ямами, всевозможными буераками и преградами, и одну из таких преград ему довелось преодолеть в прошлом году.

Что-то спугнуло попугая, и тот, спорхнув, исчез. Бегунок еще пошарил взглядом, надеясь отыскать Шибздика, но того и след простыл. Все-таки отправился в теплые края. До первой кошки.

Смахнув нечаянную слезу, Бегунок любовно потрогал консервную банку самодельного телефонного аппарата, после чего неспешно отправился за компьютер.

...Когда в полдень следующего дня Бегунковы-старшие нигде не смогли обнаружить своего сынишку, они, обеспокоенные тишиной, сунулись к нему в комнату. Бегунок спал, сидя за столом и опустив голову на сложенные руки, перед работающим компьютером. Монитор давно уже погас, и папа, пока ничего не понимая, просто перенес сына на диван. После чего вернулся к столу и провел «мышкой», чтобы зажечь экран.

Около получаса папа и мама оставались у экрана, читая то, что высветилось им на нем. А потом на цыпочках покинули комнату сына и тихонько затворили дверь.

– Кажется, он писал всю ночь,– сказал папа. Его голос странным образом дрожал.

– Это сочинение?– глупо спросила мама.

– Сочинение? Нет, дорогая. Это больше, чем сочинение. Бегунок написал рассказ. Настоящий рассказ! Мне кажется, это обязательно нужно куда-то отправить. В журнал или на конкурс. Только ему пока не говори. Пусть зря не надеется, мало ли что.

Бегунок спал и ничего не слышал. Во сне он видел дерево: оно, одинокое и неприступное, царствовало посреди необъятной зеленой территории. В тени ветвей отдыхал усталый путник, и умный говорящий ворон вещал ему что-то сверху.

Слушая витиеватые речи птицы, Вадим Бегунков улыбался во сне.